

© 2023

Татьяна Соколова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sokolova99@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

*... это перекресток культур, цивилизаций и религий.
Место, где люди самых разных национальностей и вероис-
поведаний всегда с уважением и добротой относились
друг к другу.*

М.В. Мишустин¹

На примере прикаспийских государств исследован вклад социально-политических факторов в региональное экономическое развитие. Рассмотрены проблемы трудовой миграции, ее воздействие на векторы социально-экономического взаимодействия «прикаспийской пятерки» (Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан). Дана оценка социокультурной связанности прикаспийского пространства как одной из составляющих его интеграционного потенциала. Показаны роль и значение Каспийского региона для России в условиях ее противостояния современным геополитическим вызовам и беспрецедентному санкционному давлению.

Ключевые слова: Каспийский регион, прикаспийские государства, геоэкономика, геополитика, социально-экономическое развитие, интеграционный потенциал, трудовые миграции.

DOI: 10.31857/S020736760029179-5

В советские времена Каспийский регион не рассматривался как геостратегически важный, однако после распада СССР и преодоления политического хаоса начала 1990-х годов наступило время переоценки. Благодаря своим огромным нефтяным и газовым ресурсам он превратился в один из наиболее стратегически значимых регионов Евразии. Это обусловлено как нарастающим геополитическим соперничеством за углеводороды и пути их транспортировки, так и важностью Каспийского региона в качестве естественного связующего звена между Востоком и Западом. Следствием же такой переоценки стала эскалация борьбы за влияние в регионе между основными центрами мировой силы [15. С. 350].

До 1991 г. выход к Каспийскому морю имели лишь два государства, СССР и Иран, а после распада СССР и обретения независимости Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном их стало пять. Вплоть до начала 2000-х годов

¹ Второй Каспийский экономический форум // Официальный сайт Правительства России. 06.10.2022. URL: <http://government.ru/news/46720/> (дата обращения: 19.09.2023).

хозяйственные и гуманитарные связи между новыми прикаспийскими государствами — бывшими советскими республиками — довольно быстро деградировали, связность хозяйственных элементов нарушилась [6. С. 26]. Все три бывшие советские республики в этот период находились в процессе построения своей государственности, определяли собственные национальные интересы, искали политические и экономические пути их продвижения [10. С. 115]. Особенностями данного периода стало также существенное повышение роли Ирана как геополитической силы и появление в регионе принципиально новых «игроков» — как региональных (в первую очередь Турции), так и глобальных (США и ЕС) [6. С. 26].

Наряду со стратегическим положением Каспийского региона, фактор «взаимопереплетения» цивилизаций в районе Каспийского моря является, по мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, одним из наиболее значимых для определения того, насколько важен этот регион для России [14. С. 4]. Интерес России к Каспийскому региону стал существенно усиливаться с середины 2010-х годов в связи с необходимостью создания новых коридоров межстранового взаимодействия в условиях усиливающегося давления со стороны «большого Запада» [6. С. 26–27]. Продолжала расти роль Ирана (как и некоторых других азиатских стран — в первую очередь Китая, а также Индии и Турции), в то время как многие страны Запада постепенно стали утрачивать свои доминирующие позиции.

Каспийский регион в целом можно рассматривать и как экономический (в основе которого лежит экономическая интеграция), и как политический (общие политические интересы), и как трансграничный (в основе лежат связи между территориями различных государств) [10. С. 112]. Иногда термин «Каспийский регион» понимают в «широком смысле» — либо как совокупность суши и водоемов, оставшихся в качестве реликтов огромного древнего Арало-Каспийского бассейна, существовавшего 3 млн лет назад, либо как совокупность стран, в том или ином смысле близких к Каспийскому морю в его нынешних границах (то есть, страны Прикаспия, Закавказья и Центральной Азии) [18. С. 31–32]. Однако с политической и экономической точки зрения, название «Каспийский регион» обычно понимают в «узком» смысле — как Каспийское море и прибрежные территории пяти государств: России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана. Их обычно называют «прикаспийскими государствами», а также «каспийскими государствами», государствами Каспийского региона, «каспийской пятеркой» [10, С. 111; 24].

Государства Каспийского региона имеют довольно много общего для полноценного и взаимовыгодного сотрудничества: это и природно-географические особенности Каспийского моря и его окрестностей, и геополитическая необходимость эффективного управления региональными конфликтами, и потребность всех стран Прикаспия в существенно более глубоком развитии

торгово-транспортных коммуникаций [15. С. 349–350]. Кроме того, важнейшей объединяющей характеристикой Казахстана, Туркменистана и Азербайджана является их советское прошлое, что обуславливает и наличие исторических связей, и взаимодополняемость экономических систем (сложившихся в советские время из-за естественного стремления к специализации регионов), и присутствие диаспор на территориях государств-участников региона (например, азербайджанская диаспора в Туркменистане, туркменская диаспора в Азербайджане), и существование со времен СССР различных связей — научных, экологических, образовательных, культурно-гуманитарных и пр. [10. С. 115].

Во всех пяти прикаспийских государствах значительную роль играет ислам, при этом в четырех из пяти стран он является преобладающей религией (табл. 1). Все прикаспийские государства, кроме России, являются полноправными членами Организации исламского сотрудничества (ОИС). Россия, где число последователей ислама составляет по некоторым оценкам 10%, в 2005 г. получила там статус наблюдателя. Генеральный секретарь ОИС Хуссейн Таха в своем выступлении на ежегодном заседании Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир» в 2022 г. подчеркнул, что «Россия — неотъемлемая часть мусульманского мира» [22].

Таблица 1

Религия в прикаспийских государствах, % от общей численности населения

Число последователей (оценка)	Россия*	Азербайджан	Иран	Казахстан	Туркменистан
Христианство	73,3	3,0	0,2	24,8	6,5
Ислам	10,0	97,0	99,5	70,4	93,0
Буддизм	0,1	—	—	0,2	—
Иудаизм	0,2	—	—	—	—
Народные верования	0,2	—	—	0,3	—
Нерелигиозные и атеисты	16,2	—	0,1	4,2	0,5

* Без учета данных по территориям, присоединенным к России в 2022 г.

Источник: [29].

По мнению Президента России В.В. Путина, основными направлениями, по которым должны развиваться связи между странами «каспийской пятерки», являются политика, сфера безопасности, экономика, а также природоохранная и гуманитарная области [24]. При реализации этих задач необходимо учитывать, что развитие Каспийского региона происходит под воздействием двух силовых векторов, первым из которых является политика государств-участников региона, а вторым — политика мировых держав. В первом случае политика направлена на удовлетворение национальных интересов, развитие трансграничного сотрудничества и сближение позиций по стратегическим вопросам со

своими соседями, во втором — на удовлетворение глобальных энергетических и логистических интересов, слабо совпадающих с интересами национальными [10. С. 111].

Можно сказать, что Каспийский регион, став после распада СССР «регионом острой международной конкуренции и дипломатического маневрирования», в значительной степени таковым и продолжает оставаться [15. С. 352]. В условиях «шаткой полицентричности» идет процесс «переформатирования палитры международных отношений», поиск новых условий для взаимовыгодного сотрудничества. Вследствие этого возникла необходимость создать постоянно действующий механизм, обеспечивающий взаимовыгодное сотрудничество прикаспийских стран. Очевидно, что оживление имеющихся и создание новых транс- и циркумкаспийских связей в рамках такого механизма, сближение России и Ирана, а также реинтеграция бывших республик СССР смогут сыграть существенную роль в противостоянии тем вызовам в политике, экономике, экологии и безопасности, которые стоят на повестке дня в этих странах [6. С. 25–26].

Исследователи по-разному подходят к особенностям политических процессов вокруг прикаспийских государств. Макрогеополитическая интерпретация сводит их к элементам так называемой «Большой игры» — военно-дипломатического соперничества крупных мировых игроков, действующих исключительно в собственных интересах [15. С. 350]. В XIX в. это были Россия и Великобритания (боровшиеся, в первую очередь, за выход к Индии), в настоящее время — США, Китай, Россия, Евросоюз («большие игроки»), а также активно развивающиеся региональные державы — Иран, Турция, Индия и Пакистан («малые игроки»). К элементам «Большой игры» относят и затрагивающий Каспийский регион мегапроект «Один пояс, один путь», декларируемый китайскими властями в качестве возрождения древнего «Великого шелкового пути», который способен в случае удачной реализации сформировать новый облик как Каспийского региона (преобразовав его в крупный коммерческий узел), так и Евразии в целом.

Другая интерпретация связана с более тонким и глубоким анализом процессов, на основе которого делается вывод, что политические процессы в Каспийском регионе не сводятся к совокупности «больших» или «малых» игр, а в значительной степени определяются и международными организациями, и транснациональными корпорациями, и никем не навязанной волей прикаспийских государств. Более того, высказывается мнение, что нередко государства региона подталкивают участников «Большой игры» к конкуренции друг с другом, тем самым ограничивая их влияние и получая возможность проводить более самостоятельную политику [15. С. 351–352].

На долю прикаспийских стран приходится немногим более 3% общей численности населения земного шара, почти 15% от общей площади всех стран,

около 5% от общемирового показателя ВВП (по ППС). В четырех из пяти государств население достаточно молодое (средний возраст — от 25 до 30 лет), лишь у России средний возраст существенно выше — почти 39 лет (табл. 2).

Среди прикаспийских государств Россия является наиболее значительной — и по площади (77% от общей площади «пятерки»), и по населению (54% от общего населения пяти стран), и по экономическим показателям — ее ВВП (по ППС), по данным Всемирного банка, составлял в 2022 г. 68% от суммарного ВВП (по ППС) всех пяти стран.

По ВВП на душу населения страны «пятерки» делятся на две четкие группы: три страны с показателями от 15 до 18 тыс. текущих международных долл. на человека (Туркменистан, Иран и Азербайджан — по классификации Мирового банка, это страны со «средним доходом») и две страны с показателями от 30 до 37 тыс. международных долл. на человека (Россия и Казахстан — по классификации Мирового банка, это страны с доходом «выше среднего») [27].

У всех прикаспийских государств индекс человеческого развития (учитывающий долголетие, уровень грамотности и уровень жизни) достаточно высок: две страны находятся в группе «Очень высокое человеческое развитие» (Россия — 52-е место, и Казахстан — 56-е); три страны — в группе «Высокое человеческое развитие» (Иран — 76-е место, а также Азербайджан и Туркменистан, оба государства — на 91-м месте) [28].

В Азербайджане после распада СССР были проведены экономические реформы, прошла перестройка социально-экономической сферы. «Переломным моментом» для экономики страны считается подписание в 1994 г. соглашения о разработке трех нефтегазовых месторождений на Каспийском море, которое было подписано Азербайджаном с 13 крупнейшими мировыми компаниями (в том числе — из России, США и Саудовской Аравии). За подписанием этого контракта последовали и другие международные соглашения в разных отраслях экономики, финансовая система страны стабилизировалась, начался активный рост ВВП (в 2006 г. был зафиксирован максимум годового роста — 36%). В настоящее время Азербайджан является индустриально-аграрной страной с развитой промышленностью, многоотраслевым сельским хозяйством и высокой конкурентоспособностью. Экспорт диверсифицирован слабо: нефть и газ составляют более 80% от его общего объема. Основным торговым партнером, а также главным инвестором в экономику страны является Евросоюз. С экономико-географической точки зрения Азербайджан занимает выгодное положение, позволяющее стране быть логистическим узлом, находящимся на пересечении нескольких стратегически важных транспортных направлений [2. С. 28–30].

Таблица 2

Основные статистические данные прикаспийских государств

Показатель	Россия*	Азербай- джан	Иран	Казахстан	Туркме- нистан	Всего	Доля от общими- рового по- каза- теля, %
Площадь, млн кв. км	17,1	0,1	1,6	2,8	0,5	22,1	14,8 **
Численность населения, млн человек (конец 2022 г., оценка)	146,1	10,5	86,7	19,5	6,2	269,0	3,3
Средний возраст, лет (2023 г., оценка)	38,7	30,3	29,5	29,3	25,6	—	—
ВВП (по ППС), млрд текущих междунар. долл., 2022 г.	5327	181	1601	605	96***	7810	4,8
ВВП (по ППС) на душу населения, тыс. текущих меж- дунар. долл., 2022 г.	36,5	17,8	18,1	30,8	15,6***	—	—
Индекс челове- ческого развития, 2021 г.	0,822	0,745	0,774	0,811	0,745	—	—

* Без учета данных по территориям, присоединенным к России в 2022 г.

** В качестве общей площади всех стран и территорий взята величина 148,9 млн кв. км.

*** Данные за 2019 г.

Источники: составлено автором по [26; 27; 28; 29].

Социально-экономическая политика Ирана существенным образом изменилась с начала 1990-х годов и стала намного более эффективной, чем это было в послереволюционные годы (особенно в конце 1980-х годов). Экономика стала рыночно ориентированной, несмотря на то что идеологическое обоснование сущности экономики в исламском обществе при этом не изменилось. Началась приватизация госсобственности, в страну стал привлекаться иностранный капитал, государство перестало вмешиваться в ценообразование. Участие женщин в трудовой деятельности и социальной жизни стало постепенно расти. Произошла некоторая либерализация импорта, существенно расширились контакты с зарубежными странами [17. С. 61–63]. К началу 2000-х

годов от тех экономических особенностей, которые противоречили общемировым экономическим нормам, в Иране осталась только беспроцентная банковская система. В 2009—2011 гг. в стране была проведена масштабная экономическая либерализация, включающая широкую приватизацию и поддержку мелкого и среднего предпринимательства. При этом и в настоящее время и, по-видимому, в перспективе именно государство останется в Иране главным регулятором экономического развития страны [17. С. 64]. Что касается иранской социальной политики, то этот вопрос (особенно в области трудовых отношений, демографических проблем, состояния здравоохранения, просвещения и культуры) до сих пор, по признанию одного из крупнейших иранистов России Л.М. Кулагиной (1927—2020), остается малоизученным [12. С. 16].

Казахстан после получения в 1991 г. независимости испытал «мощный кризисный шок», за которым последовал длительный трансформационный экономический кризис. «Стартовые условия» у нового государства были не слишком хорошими: помимо географической удаленности страны и довольно сурового климата, были очень ограничены финансовые ресурсы, а уровень развития ключевых для Казахстана отраслей был весьма невысок. Однако вопреки ожиданиям, в целом можно говорить об определенном успехе социально-экономической политики Казахстана, особенно по сравнению с другими постсоветскими республиками, а также о том, что страна стала «политически и экономически самодостаточным государством» [11. С. 31]. Среди причин такого успеха исследователи называют эффективность макроэкономической и инвестиционной политики, а также «предельный» экономический прагматизм [11. С. 22, 26]. В частности, это проявилось в поддержании тесных экономических связей с Россией и некоторыми другими постсоветскими странами, а также в выстраивании новых экономических связей с совершенно разными государствами и международными объединениями.

Результатом такого «многовекторного» подхода стало то, что зависимость экономики Казахстана от конкретных партнеров все эти годы оставалась невысокой, а влияние идеологических факторов на экономическую политику было незначительным. В то же время протесты начала 2022 г., сопровождавшиеся массовыми беспорядками и мародерством, в результате которых в стране было объявлено чрезвычайное положение, показали, что социальные последствия проводимой экономической политики учитывались слабо; одной из основных причин протестов называют наблюдающееся в Казахстане сильное неравенство в доходах населения, существенные региональные диспропорции, а также сильную дифференциацию в доходах городского и сельского населения [11. С. 27].

Туркменистан — наиболее закрытое государство на постсоветском пространстве и одно из немногих государств в мире, наряду с Австрией, Камбоджей, Мальтой и Швейцарией (единственное на постсоветском пространстве),

обладающее статусом постоянного нейтралитета, признанного мировым сообществом. Статус постоянного нейтралитета установлен конституцией республики, а также признан и поддержан международными законодательными актами (в том числе, резолюциями ГА ООН), то есть — закреплён как на национальном, так и на международном законодательном уровне [16. С. 185—186]. «Политика позитивного нейтралитета» (как ее называют внутри страны) затрагивает как внешнюю, так и внутреннюю политику Туркменистана, при этом, по мнению некоторых исследователей, суть ее в значительной степени сводится к уклонению от вовлечения в глобальную систему международных отношений [5. С. 114].

Базовыми отраслями экономики Туркменистана являются газо- и нефтедобыча и связанная с этой добычей транспортная инфраструктура, а также хлопководство. Контроль за ними, как и за внешнеэкономической деятельностью, осуществляет государство, при этом экспорт является, по сути, монопродуктовым, ограничиваясь газом и, в меньшей степени, нефтью. Основным импортером газа, а также основным инвестором для Туркменистана является Китай. Такая экономическая зависимость может потенциально привести к нестабильности всей экономической системы страны. Решение этой проблемы возможно только путем внешнеэкономической диверсификации, в том числе, путем перевода сотрудничества с Россией и другими соседними странами на качественно новый уровень. Уровень социальной защиты населения в стране достаточно высок, однако сырьевой характер экономики Туркменистана приводит к регулярно возникающим социальным проблемам, поскольку бюджетные социальные расходы покрываются фактически за счет поступлений от экспорта углеводородов, а мировые цены на газ и нефть нестабильны. Малый и средний бизнес сколько-нибудь активно развивается только на уровне локальных рынков (населенных пунктов) и связан с торговлей, услугами, мелкотоварным сельскохозяйственным производством, ремеслами [19. С. 44—46].

Во всех странах Каспийского региона остро стоят проблемы трудовых миграций. Политика и меры регулирования в этой области должны быть не просто продуманными и комплексными, ориентирующимися на использование наиболее современных информационно-коммуникационных технологий, а близкими к оптимальным [9. С. 75]. Такие жесткие требования связаны с особыми условиями, в которых развивается Каспийский регион, — международными санкциями, наложенными на Россию и Иран, а также с давлением, которое оказывают страны Запада на другие прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан и Туркмению) с целью ограничить возможности сотрудничества с Россией и Ираном.

Социальная политика прикаспийских государств должна быть направлена на стимулирование трудовой миграции, но для того чтобы эта миграция решала социальные проблемы, не создавая новых, требуется, чтобы это был

регулируемый процесс, опирающийся на законодательные и нормативно-правовые документы. По мнению экспертов, для оптимизации распределения трудовых ресурсов и создания дополнительных рабочих мест с достойной заработной платой лучше всего подходят международные кластерные проекты [9. С. 75] — и как группы организаций, взаимодополняющих и способных усиливать конкурентные преимущества друг друга, и как структуры, способные формировать уникальные компетенции региона, в котором они созданы.

Процессы трудовой миграции «запускаются» на основании решений отдельных граждан, и эти решения в значительной степени зависят от того, как потенциальные мигранты и члены их семей оценивают разницу между своим социально-экономическим положением в том государстве, в котором они живут, и тем социально-экономическим положением, в котором они хотели бы оказаться на новом месте. Улучшение своего положения можно связывать как с повышением доходов, так и с другими факторами — например, снижением расходов из-за более низких ставок (или отсутствием) налогов или с более низкими расценками на медицинские услуги при одинаковом или даже более высоком их качестве, с более низким уровнем преступности, большей социальной защищенностью.

В условиях открытых границ принимающее государство может рассматривать трудовых мигрантов как свой ресурс и как свое преимущество. Вместе с тем почти каждая из характеристик миграционного процесса оказывает одновременно и положительное, и отрицательное воздействие на социально-экономическое развитие принимающего государства, в связи с чем интегральная оценка такого воздействия представляется сложной. При этом практически единственным способом минимизации отрицательного воздействия является оптимизация миграционных процессов (причем, желательно, не на местном, а на федеральном уровне) — как в рамках законодательного регулирования, так и в рамках неформального стимулирования и контроля социальной интеграции и адаптации трудовых мигрантов [9. С. 76–77].

В России остро стоит задача повысить эффективность системы правового регулирования трудовой миграции и упростить процессы интеграции мигрантов в российское общество. Сейчас на оптимизацию миграционных процессов отрицательно влияет тот факт, что использование труда иностранных рабочих в значительной степени происходит в России на теневом (нелегальном) трудовом рынке [9. С. 77].

Социально-политические и экономические особенности прикаспийских государств неизбежно ставят на повестку дня вопросы, связанные с каспийской региональной безопасностью. Это обусловлено как глобальной геополитической обстановкой, характеризующейся на протяжении уже многих лет повышенной конфликтогенностью, так и тем, что Россия и Иран — два наиболее крупных и влиятельных прикаспийских государства — являются объектами

международных санкций. Иран живет в условиях санкций уже почти 45 лет (с 1979 г.), Россия — уже почти 10 лет (с 2014 г.), и вряд ли в ближайшей перспективе стоит ожидать принципиальных изменений в санкционной политике стран Запада.

При этом важным стабилизирующим фактором является схожесть позиций России и Ирана по большинству пунктов, имеющих отношение к Каспийскому региону. Так, обе страны считают, что новый мировой порядок должен строиться на многополярной основе, а влияние внерегиональных государств в Каспийском регионе должно быть минимально [5. С. 114]. По мнению Президента Ирана Ибрахима Раиси, «безопасность в регионе может быть достигнута только благодаря сотрудничеству ... соседей по Каспийскому морю» [21]. Премьер-министр России М.В. Мишустин считает, что «Иран может поделиться опытом развития своих мощностей в условиях многолетних западных санкций» [4].

В целом обеспечение региональной безопасности требует постоянного и всестороннего мониторинга многогранного комплекса уже имеющихся и возникающих новых проблем. Среди них — проблемы уровня национальной безопасности (терроризм, сепаратизм, экстремизм на религиозной и этнической почве), проблемы криминального характера (перевозка и торговля наркотиками и оружием), нерешенные споры, связанные с принадлежностью пограничных сухопутных и водных территорий, а также вопросы экологии, демографии и миграции. К вопросам безопасности можно отнести и мероприятия, связанные с противодействием распространения инфекций (как это было в период пандемии COVID-19), с сохранением культурно-исторического наследия, обеспечением доступа населения к образованию и современным технологиям [3. С. 19].

Отношения России со всеми государствами, имеющими выход к Каспию, а также двусторонние отношения других прикаспийских стран, за редким исключением, являются добрососедскими. Особняком стоят азербайджано-иранские отношения, которые в первое время после распада СССР были очень близкими благодаря поддержке Ираном Азербайджана в Карабахском конфликте, однако, после прихода к власти в Азербайджане А. Эльчибея резко ухудшились. Затем двусторонние отношения начали постепенно восстанавливаться, однако с 2021 г. снова стали ухудшаться — как по причине проводимой Азербайджаном политики пантюркизма, так и из-за активизации военно-технического сотрудничества Азербайджана с Израилем. Тем не менее Президент Ирана Ибрахим Раиси в 2022 г. полагал, что потенциальный уровень ирано-азербайджанских отношений намного выше нынешнего уровня. Однако в январе 2023 г., после вооруженного нападения на посольство Азербайджана в Тегеране, Азербайджан полностью остановил дипломатическую деятельность посольства и провел эвакуацию сотрудников [20; 21].

В 2022 г. геостратегическая ситуация в Каспийском регионе существенным образом изменилась, что было связано в первую очередь с выводом войск США

из Афганистана. Как следствие, прекратил свое существование «Северный логистический маршрут», по которому происходило снабжение войск через Казахстан и Узбекистан, а США, по сути, перестали претендовать на роль координатора транспортных путей из Центральной Азии и Южного Кавказа в Европу.

В результате у стран Каспийского региона появилась реальная возможность самостоятельно выстроить такую систему международных взаимоотношений, которая способствовала бы их устойчивому развитию, стабильной региональной безопасности и эффективному развитию и функционированию регионального транспортного пространства. Среди основных сил, которые участвуют в выстраивании такой системы, можно выделить крупные государства – Россию, Индию, Китай (являющихся членами БРИКС с момента основания в 2006 г.) и Иран (государство-наблюдатель БРИКС с 2015 г., а с 1 января 2024 г. – полноправного члена организации) – а также группу государств «тюркского пояса» (Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Туркменистан, Турцию и Узбекистан) [3. С. 19].

Новые геополитические реалии требуют и создания новых переговорных механизмов – уже не двусторонние российско-персидские (советско-иранские, российско-иранские), как это было в течение нескольких сот лет, а пятисторонние [5. С. 113]. Важнейшую роль в таком пятистороннем сотрудничестве играют Каспийские саммиты – встречи глав пяти прикаспийских государств. Первая такая встреча состоялась в Ашхабаде в 2002 г., затем прошли саммиты в Тегеране (2007), Баку (2010), Астрахани (2014) и Актау (2018). Шестой каспийский саммит прошел в Ашхабаде в июне 2022 г., на нем были подтверждены принципы, которыми должны руководствоваться прибрежные государства при осуществлении своей деятельности на Каспийском море. Среди них – разумная достаточность военного строительства; отсутствие на Каспии каких-либо вооруженных сил, кроме вооруженных сил «каспийской пятерки»; осуществление плавания в Каспии исключительно судами под флагом прибрежных государств [8].

Важным инструментом сотрудничества в области укрепления прикаспийских торгово-экономических и научно-технических связей стали Каспийские экономические форумы. Впервые такая встреча состоялась в 2019 г. в г. Туркменбаши. Второй Каспийский экономический форум прошел в Москве в октябре 2022 г. Премьер-министр России М.В. Мишустин назвал Каспийский регион формирующимся центром развития и отметил его стратегическую роль, определяемую как его расположением в центре Евразии, так и его потенциалом в качестве крупнейшего евразийского транспортно-энергетического узла в будущем. Также он заявил, что в условиях беспрецедентных антироссийских санкций, которые, очевидно, будут носить долгосрочный характер, а своим числом уже превосходят «все, что когда-либо вводилось в отношении любого другого государства», необходимо формировать новые производственные цепочки, переходить на расчеты в национальных валютах и развивать инфраструктуру финансового рынка, которая не будет зависеть от недружественных стран [4].

На Втором Каспийском экономическом форуме были затронуты и гуманитарные аспекты сотрудничества «каспийской пятерки»: в частности, было заявлено о необходимости перехода от двусторонних культурных связей к пятисторонним и к разработке соответствующих такому переходу пятисторонних документов. Кроме того, было отмечено, что все прикаспийские государства нацелены на сохранение своих традиций, истории и национальной идентичности.

Участовавший в Форуме премьер-министр Казахстана А.А. Смайлов высказал мнение, что Каспийский регион в силу своего географического положения обладает уникальным транзитным потенциалом, однако для его полноценной реализации требуется сделать еще очень много — в частности, существенно улучшить «транспортную связанность региона». По мнению заместителя председателя комитета Совета Федерации по экономической политике К.К. Долгова, сотрудничество государств «каспийской пятерки» (и, в частности, Каспийский экономический форум) следует в первую очередь рассматривать со стратегической точки зрения — и как инструмент восстановления экономики России в условиях международных санкций, и как способ вовлечения многих стран в реализацию стратегического проекта «Север — Юг», предполагающего создание международного транспортного коридора (МТК), и как важную составляющую ускоряющегося формирования многополярного мира («глобального процесса ухода от однополярности»), что подразумевает реальное укрепление суверенитета всех государств, в том числе и в вопросах экономики [7]. По словам М.В. Мишустина, МТК позволит обеспечить «бесшовные логистические услуги» для движения товаров со всей территории России до Персидского залива, а затем в Южную Азию, на Ближний Восток и в Африку.

Противостояние России и Запада изменило подходы и к развитию международных транспортных связей. Так, существенно возросла роль логистических коридоров в Каспийском регионе, которые, в свою очередь, уже оказывают серьезное влияние на геоэкономику. Так, Каспийский транспортно-логистический хаб с самого начала своего формирования начал существенным образом менять геоэкономическую ситуацию в Центральной Евразии [3. С. 17].

С учетом географических особенностей государств Центральной Евразии (значительная удаленность от морских портов), именно формирование международных транспортных коридоров (МТК) стало одним из наиболее значимых факторов развития. В первую очередь это связано с тем, что подключение транспортной системы государства к МТК является одновременно и эффективным способом встраивания местной экономики в международные цепочки добавленной стоимости. Значительной вехой в практической реализации идей евразийских МТК стало совместное российско-китайское заявление 2015 г. о сотрудничестве по сопряжению строительства

Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [25. С. 25, 34].

По мнению министра транспорта РФ В. Савельева, в условиях, когда санкции «поломали» всю логистику в стране, одной из главных надежд на прорыв этой логистической блокады стал МТК «Север – Юг», частью которого являются и три российских порта на Каспии: Астрахань, Оля и Махачкала. Этот МТК был привлекателен и ранее, о чем говорит хотя бы тот факт, что к нему в свое время присоединились Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Оман и Сирия. Однако приоритетным он стал только сейчас, когда приемлемых вариантов перевозок становится все меньше [25. С. 35]. К 2030 г. грузовая база (общий объем грузопотоков, обусловленных договорными обязательствами) МТК «Север – Юг» прогнозируется на уровне 30 млн т [3. С. 22].

По мере реализации МТК «ТРАСЕКА» и «Север – Юг» Каспийское море постепенно преобразуется в удобное коммуникативное пространство. При этом Цели устойчивого развития, общемировое ухудшение экологии, равно как и климата, предъявляют новые требования к созданию и функционированию транспортных коридоров. С учетом этого транспортная система может существовать как успешный транспортно-логистический бизнес, проводя социально ответственную политику и используя экологически чистые и безопасные технологии, только на основе комплексного, научно обоснованного подхода, включающего высокоэффективное управление [3. С. 23, 35].

В настоящее время, на старте реализации новой масштабной идеи, выдвинутой Россией, – Большого Евразийского партнерства, которое по замыслу должно стать пространством евразийской континентальной стабильности и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества для региональных организаций [2], роль «каспийской пятерки» становится особенной, ключевой.

По мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, чтобы сотрудничество прикаспийских государств развивалось системно и многогранно, требуется, чтобы этот процесс был постепенно институционализирован. Впервые вопрос институционализации обсуждался еще в 1992 г., когда в Тегеране представители всех пяти прикаспийских государств обсудили предложение Ирана создать Организацию каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС). Предполагалось, что в ее рамках будут созданы межгосударственная нефтяная компания, межгосударственный банк экономического сотрудничества, Каспийский банк развития, ряд научных центров по исследованию экономических, политических, экологических и других вопросов, имеющих отношение к Каспийскому региону.

Эти инициативы, однако, так и не были реализованы (в первую очередь, из-за неурегулированности правового статуса Каспийского моря), однако потребность в создании специальных институтов взаимодействия была и остается актуальной. Сейчас, когда процесс урегулирования правового статуса Каспия

близок к завершению², естественным образом встает вопрос о новом этапе институционализации прикаспийского сотрудничества. Одним из первых шагов в этом направлении стало предложение России создать Каспийский совет — гибкий пятисторонний незабюрократизированный форум [14. С. 9].

С целью полноценной институционализации сотрудничества стран каспийской «пятерки» создана Межведомственная комиссия по прикаспийскому сотрудничеству, первое заседание которой состоялось в Москве 27 октября 2023 г. На нем глава МИД России Сергей Лавров сообщил, что работа этой комиссии будет направлена на «гармонизацию интересов» прикаспийских государств и повышение «эффективности усилий по раскрытию потенциала региона» во всех возможных сферах деятельности. По его словам, работа в этом направлении в последние годы уже активно ведется: многие пятисторонние договоры вступили в силу, другие документы уже подписаны и сейчас находятся в состоянии прохождения «внутригосударственных процедур», а целый ряд — в стадии разработки. Отдельно был упомянут транспортный коридор «Север — Юг», который, как заявил Лавров, находится у российского руководства «на приоритетном контроле». Кроме того, по мнению Лаврова, плодотворное прикаспийское сотрудничество является крайне важным не только с точки зрения интересов «пятерки», но и с точки зрения общей безопасности всего евразийского пространства [13].

В целом представляется, что устойчивое социально-экономическое развитие Каспийского региона возможно лишь в том случае, если входящие в него государства будут использовать в ключевых отраслях своей экономики современные экологичные и высокоэффективные технологии, извлекать выгоды из своего транспортно-географического положения, а также проводить политику добрососедства и взаимного доверия с учетом социокультурных и социально-политических факторов развития.

Литература

1. *Аласов И.Ф.* История становления новых прикаспийских стран // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 13–20.
2. *Ахундова А.Г.* Экономика и внешнеэкономическая деятельность Азербайджанской Республики // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 67. С. 28–32.
3. *Белов В.И., Некрасова М.А.* Международные транспортные коридоры в Каспийском регионе: безопасность и устойчивое развитие // Информация и инновации. 2022. Т. 17. № 3. С. 17–28.
4. Второй Каспийский экономический форум // Официальный сайт Правительства России. 06.10.2022. URL: <http://government.ru/news/46720/> (дата обращения: 19.09.2023).
5. *Гулиев О.Э.* Политико-правовые аспекты современного сотрудничества в Каспийском регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 113–119.

² По состоянию на октябрь 2023 г. только Иран не ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, подписанную в рамках Пятого каспийского саммита (г. Актау, Казахстан) 12 августа 2018 г. всеми пятью прикаспийскими государствами [23. С. 232].

6. Дружинин А.Г., Исмаилов Ч.Н., Гонтарь Н.В. Взаимодействие России и Азербайджана в Прикаспийском регионе: возможности, барьеры, приоритеты // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3 (107). С. 25–38.
7. Журавлев К. Взаимовыгодный диалог: чем важен Каспийский экономический форум // Газета.ru. 07.10.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/10/07/15586729.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).
8. Коммюнике шестого Каспийского саммита // Официальный сайт Президента России kremlin.ru. 29.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5820> (дата обращения: 22.09.2023).
9. Кораблина О.В., Байбекова Э.Ф. Правовые аспекты регулирования трудовой миграции в системе социетальной безопасности стран Прикаспийского региона // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 74–80.
10. Косов Г.В., Литвишко О.М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6. С. 111–117.
11. Кувалин Д.Б. и др. Экономика Казахстана: итоги непростого тридцатилетия // Развитие территорий. 2022. № 1 (27). С. 22–32.
12. Кулагина Л.М. Сектор Ирана Института востоковедения РАН // Иран: история и современность // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 7–16.
13. Лавров: РФ настроена на активную созидательную работу в формате каспийской «пятерки» // ТАСС. 27.10.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19132473> (дата обращения: 29.10.2023).
14. Лавров С.В. Каспий – уникальный регион добрососедства // Международная жизнь. 2022. № 9. С. 4–9.
15. Магомедов А.К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2022. № 3. С. 349–354.
16. Малышев Д.В. Политика нейтралитета на постсоветском пространстве. На примере Туркменистана и Молдавии // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 183–194.
17. Мамедова Н.М. Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.) // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры. 2014. С. 26–66.
18. Маркелов К.А., Головин В.Г. Большой Каспий в системе природно-геополитических координат // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 30–38.
19. Мигранян А.А. Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия // Геоэкономика энергетики. 2021. № 1. С. 43–66.
20. Посольство Азербайджана в Иране приостановило работу // ТАСС. 29.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16913313> (дата обращения: 22.09.2023).
21. Президенты Ирана и Азербайджана провели встречу в Ашхабаде // ИРНА. 29.06.2022. URL: <https://ru.irna.ir/news/84806383/> (дата обращения: 02.10.2023).
22. Путин: Принятие Волжской Булгарией ислама – знаменательная веха в нашей истории (В Казани проходит заседание Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир») // ИА IslamNews. 20.05.2022. URL: <https://islamnews.ru/2022/5/20/putin-prinyatie-volzhs koy-bulgarie y-islama-znamenatel naya-vekha-v-nashey-istorii> (дата обращения: 02.10.2023).
23. Салимгерей А.А. Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 228–234.

24. Шестой Каспийский саммит // Официальный сайт Президента России. 29.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68779> (дата обращения: 19.09.2023).
25. Шумовская Н.Е. Проблемы функционирования логистических коридоров на евразийском пространстве в современных геополитических условиях // Современные проблемы логистики, экономики, управления в эпоху глобальных вызовов. Астрахань, 14 декабря 2022 г. Материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Астрахань. 2023. С. 33–36.
26. GDP based on PPP valuation of country GDP // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 27.09.2023).
27. GDP per capita, PPP (current international \$) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 27.09.2023).
28. Human Development Index and its components // Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World. United Nations Development Programme. 2022. P. 272–276.
29. Population of the world and countries. URL: <https://countrymeters.info/en/Azerbaijan>; <https://countrymeters.info/en/Iran>; <https://countrymeters.info/en/Kazakhstan>; https://countrymeters.info/en/Russian_Federation; <https://countrymeters.info/en/Turkmenistan> (дата обращения: 27.09.2023).

Tatyana Sokolova (e-mail: sokolova99@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

SOCIO-POLITICAL FACTORS OF THE CASPIAN REGION'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Using the example of the Caspian states, the contribution of socio-political factors to regional economic development was studied. The problems of labor migration and its impact on the vectors of socio-economic interaction of the “Caspian five” (Russia, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan and Turkmenistan) are considered. The sociocultural connectivity of the Caspian region is assessed as one of the components of its integration potential. The role and importance of the Caspian region for Russia is shown in the context of its confrontation with modern geopolitical challenges and unprecedented sanctions pressure.

Keywords: Caspian region, Caspian states, geoeconomics, geopolitics, socio-economic development, integration potential, labor migration

DOI: 10.31857/S020736760029179-5